

ПРИЧИНЫ И МАСШТАБЫ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ В ЕЙСКОМ ОТДЕЛЕ (РАЙОНЕ) В 1920-1933 гг.

Прежде чем рассмотреть существо вопроса, следует вкратце охарактеризовать понятие Ейский отдел и Ейский район, поскольку его размеры и состав входивших населенных пунктов неоднократно менялись. С 1921 г. ВЦИК стал осуществлять административно-территориальные преобразования. В частности, местами вводилась волостная система [1]. Постановлением Кубчероблисполкома от 15 января 1923 г. Тимашевский отдел был ликвидирован, а его населенные пункты переданы Ейскому, Краснодарскому, Славянскому отделам. С 26 января 1923 г. утверждена новая структура области, в составе которой Ейский отдел с центром в г. Ейске включал, помимо ныне существующих станиц, Калниболотскую, Каневскую, Крыловскую, Кущевскую, Новоминскую, Павловскую, Атаманскую, Староминскую, Канеловскую, Старощербиновскую, Уманскую, Челбасскую и ряд других [2].

Декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. утверждено положение о Северо-Кавказском крае, с центром в г. Ростове-на-Дону, делившимся на 10 округов. При этом в Кубанский округ края не вошел Ейский район, включавший поселения от Александровки и Шабельского на севере, до Старощербиновской на востоке, Должанской и Камышеватской на западе [3]. Эта административная система просуществовала до января 1934 г., когда в Ейском районе осталось только три станицы – Должанская, Камышеватская, Ясенская и ряд поселений. Учитывая изложенное, авторами будут рассматриваться события в станицах, имевших наиболее длительную историю существования в рамках Ейского района (уезда).

Корни начального этапа репрессий, вызвавших массовые потери населения г. Ейска и окрестных станиц, частично лежат в событиях социально-политического противостояния весной-летом 1918 г. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1918 г. казаки десяти станиц Ейского отдела, численностью по разным данным от 3 до 7-8 тыс. чел., напали на г. Ейск [4, 5, 6]. Они преследовали несколько целей:

- уничтожение, хотя бы частичное, той политической силы, которая, сосредоточившись в Ейске, грабила продовольственные ресурсы и фураж (к этому времени в некоторых станицах большевистская власть была свергнута и восстановлено атаманское правление);

- срыв планов передела казачьей земли в пользу иногородних;

- захват оружия, в избытке имевшегося в городе.

Казаки потерпели поражение и понесли значительные потери в живой силе – по советским оценкам 1125 чел. По опросным данным и материалам метрических записей они были значительно больше. Противоборство обоих

сторон было ожесточенным, кровавым, но красные нередко прибегали к изуверским способам расправы, издевательствам. К ним следует причислить зверства пресловутого революционного трибунала по отношению к арестованным и заключенным в тюремном замке г. Ейска, моряков Азовской флотилии в ст. Должанской, карательных отрядов в ст. Новощербиновской и ст. Копанской и др. Сразу после поражения казаков большевистские власти Ейска фактически инспирировали «покаяние» станичников к красной власти, хотя в печати всячески подчеркивали, что это была добровольная акция. Массу людей продержали перед тюрьмой несколько дней без пищи и воды. Причем некоторые из предводителей «покаяния» были арестованы и тут же расстреляны [7].

Некоторое время спустя большевистская власть организовала насильственный призыв в армию казаков непризывного возраста, вероятно, стремясь подорвать социальную основу будущих антибольшевистских выступлений.

Когда Вооруженные Силы Юга России стали терпеть поражение и откатились к ст. Тихорецкой, советская власть вновь установилась в станицах Ейского отдела. С этого момента все накопившиеся противоречия и кровавые счета проявились с новой силой. В качестве характерного примера краеведы указывают на судьбу кавалерийской дивизии полковника Сухенко, в состав которой входили два Запорожских и Уманский полки. Окруженные красными частями на побережье Черного моря, казаки на предложение войти в состав Красной Армии изъявили желание воевать на польском фронте. Но при перебазировании восстали у ст. Куцевской. Никто не указывает на причины отказа от первоначального намерения. Думается, они очевидны – понимание неизбежной расправы с казаками за участие в белом движении. После боев с красными частями полковник Сухенко с несколькими сотнями ушел в плавни. Сражались до конца 1921 г., пока повстанческий отряд не был уничтожен у хут. Сокура [8, 9].

Появление многочисленных повстанческих отрядов и групп заставило большевистские власти Ейского отдела 22 апреля 1920 г. осуществить реорганизацию ЧК, введя в состав ее коллегии лиц, ранее зарекомендовавших себя жестоким отношением к противникам [10]. Например, председателем коллегии был назначен Г. Колосов, как его характеризовали в 1918 г. – «безносый каторжник», сидевший за убийство девушки [11]. Приговор царского суда характеризует облик этого «революционера».

Помимо ЧК карательные акции в отношении противников красного режима осуществляли реввоенсовет Кубанской и других красных армий, революционные комитеты станиц. Так в конце 1920 г., в соответствии с особым приказом реввоенсовета Кубармии расстреляны 50 офицеров, чиновников и казаков, которых обвинили в предательстве и контрреволюционных заговорах во главе с полковником Сухенко, сотником П.И. Бардаком и др. [12]. В 1921 г. в Ейском отделе действовало 8 повстанческих отрядов, каждый численностью от нескольких десятков до сотни человек, возглавляемых штабс-капитаном И.

Фелимоновым, сотником А.М. Козиком, вахмистром Д.Е. Бондаренко и др. Командирами двух самых крупных отрядов являлись полковник Пацук и хорунжий Гриценко [13]. Наряду с белыми расстреляны дезертиры из Красной армии и даже служащий ревкома А.А. Никитин.

В октябре 1920 - июне 1921 г. повстанческое движение по всей Кубани активизировалось. Причиной являлось значительное возрастание заданий по продразверстке (до 65 млн. пуд.), расширение использования продотрядов [14]. Ситуацию в Кубанской области осложнил голод 1921-1922 гг. По данным климатологов 1921 г. считается одним из самых маловодных и засушливых лет двадцатого столетия на огромной территории Европы [15]. Обмелели многие крупные реки Германии, Франции, Австрии. Еще острее была ситуация в бассейнах Черного, Азовского и Каспийского морей. Сухая осень 1920 г. и бесснежная суровая зима 1920-1921 гг. обусловили незначительный объем весеннего половодья. Снижение уровня грунтовых вод фактически превратило степную зону правобережья Кубани в полупустыню. Но и зима 1921-1922 гг. радикально не изменила ситуацию, что, в конечном счете, привело к неурожаю и, следовательно, острой нехватке зерна.

Авторы предприняли попытку оценить потери населения от голода 1921-1922 гг. в ряде населенных пунктов:

- в ст. Старощербиновской за январь-август 1922 г. умерло от истощения (голода) 193 чел. [16];

- в с. Глафировка с января по ноябрь 1922 г. – 261 чел. [17];

- в с. Шабельское – 205 чел. [18];

- в с. Николаевка – 104 чел. [19];

- в с. Екатериновка - 166 чел. [20].

Общая смертность, по имеющимся в Щербиновском архиве документам, составила 1338 чел. Пик смертности пришелся на май-июль 1922 г. Возрастная категория умерших – дети от 2 до 17 лет, люди среднего возраста и пожилые. Приведенные цифры дают лишь схематичное представление о масштабах происшедшего. Реальные процессы убыли населения были гораздо сложнее, на что указывают сведения ЗАГС, в которых зафиксирована смертность в семьях одновременно нескольких лиц разного возраста. Анализ актовых записей, фиксировавшихся Ясенским сельсоветом, позволяет утверждать, что в 1921-1922 гг., как и в 1932-1933 гг., заносились сведения о рождении, но мало или почти нет записей о смертях [21]. Это объяснялось не только установкой партийных органов сотрудникам ЗАГСов, но и позицией местных жителей. За упоминание о смерти родственников по причине голода можно было получить «срок».

Напряженная ситуация, вызванная нехваткой продовольствия, усложнялась попытками советских властей осуществлять реквизицию церковных ценностей. Имели место акты насилия, вандализма по отношению к священникам, иконам, церковным помещениям. Эти надругательства над верой спровоцировали новую волну повстанчества, хотя в условиях засухи находить убежище в плавнях стало труднее. Большевицкими отрядами применялась

тактика «выжженной земли», в условиях которой повстанцы вынуждены были либо сдаваться, либо сражаться до последней возможности.

В 1922 г. ревком ст. Ясенской составил список казаков станицы и ее юрта «...находящихся в банде Врангеля или ушедших в ряды бело-зеленых банд» [22]. Согласно документу, число преследуемых советской властью казаков на этот момент составило 42 чел. Ответом советских властей на уход казаков в повстанческие отряды явились блокада некоторых станиц, взятие заложников из числа семей ушедших в плавни и др. Примерно в это время И.Л. Хижняк, возглавлявший отряд ЧОН, был направлен для блокирования подходов к плавням между ст. Ясенской и ст. Копанской. При любой попытке станичников преодолеть запретную зону их чаще всего расстреливали. О кровавом этапе своей жизни советский военачальник предпочитал не говорить и не писать в официальных автобиографиях. Но эта сторона его жизни была охарактеризована соратниками, в частности, И.Ф. Михайловым [23].

В деле № 1/СС (совершенно секретно), заведенном в 1933 г. военной инспекцией Ейского райисполкома, содержатся сведения о повстанческой деятельности в Ейском и Старощербиновском районах в 1920-е годы [24]. Отмечается, что с 1920 по 1922 гг. в Ейском районе оперировали две крупные политические «банды». Одна численностью 600-650 сабель была сформирована в окрестностях ст. Старощербиновская местным казачьим офицером Г.Г. Сидельником (по другим сведениям вахмистром) Его отряд контролировал не только Ейский, но и Староминский районы. Г.Г. Сидельник действовал очень дерзко, создавая множество проблем советской власти. Исследователями отмечается факт уничтожения одной из его групп роты красноармейцев, направлявшейся из Ейска в Староминскую [25].

Согласно указанному выше секретному делу Ейского райисполкома, вторая крупная «банда», насчитывавшая 253 сабли, возникла и действовала в окрестностях ст. Камышеватской под руководством сотника П.И. Бардака. Если возникновение отряда Г.Г. Сидельника объясняется наличием поблизости от ст. Старощербиновской обширных плавней рек Ея, Челбас, Мигута, Албаши и их лиманов, то в окрестностях ст. Камышеватской условия иные. Ближайшие плавни располагаются в 40-50 км юго-восточнее станицы. Можно предполагать, что формированию этого повстанческого отряда способствовала высадка 14 августа 1920 г. белыми десанта генерала С.Г. Улагая. А 24 августа советская Азовская флотилия под командованием Е. Гернета высадила на косе Камышеватской дивизию красных [26]. Она выдвинулась к ст. Каневской и нанесла белому десанту фланговый удар в районе ст. Тимашевской. Основная часть белых вырвалась к ст. Ахтарской и была эвакуирована в Крым. Но пространство между Камышеватской косой, плавнями рек Челбас, Мигута и Бейсуг оказались средоточием мелких групп, не захотевших покидать Кубань.

По мере того, как повстанческие группировки преследовались и уничтожались советскими частями, возникали новые. В упоминаемом деле отмечается, что с 1922 по 1930 гг. в окрестностях станиц Старощербиновская, Новощербиновская, Камышеватская органами ОГПУ выявлены и уничтожены

контрреволюционная группировка численностью 250 чел., а в других станицах района – десять крупных группировок, каждая по 350 чел. В деле отмечается антисоветская деятельность свыше тысячи одиночек-контрреволюционеров.

Сплошная коллективизация, проводимая в Ейском районе, к осени 1929 г. встретила яростное сопротивление со стороны казаков. В указанном деле это противодействие квалифицируется как контрреволюционное. В результате репрессивных действий было уничтожено 10 группировок, общей численностью 138 чел. К 1930 г. антисоветские акции жителей распространились и на правый берег р. Ея. В с. Екатериновка повстанцы уничтожали активистов колхозного движения, бывших красных партизан. В Новошербиновской выявлена антисоветская деятельность духовенства. В 1931 и 1932 гг. выявлено 18 контрреволюционных группировок, из которых 174 чел. было арестовано или уничтожено. В ст. Камышеватской арестовано 1208 чел., организовывавших срыв плана хлебозаготовок, уничтожение посевов, хищение зерна из амбаров.

С каждым последующим годом напряжение в станицах Ейского отдела нарастало из-за раскулачивания, расказачивания. Дело доходило до того, что некоторые семьи объявляли самораскулачивание, то есть добровольно сдавали в колхозное хозяйство скотину, имущество. После этого, ясно понимая неизбежность расправы, по ночам пытались бежать на лодках в Мариуполь для переезда пароходами в другие регионы страны. Некоторые уходили по плавням и долинам рек на Кавказ, прежде всего в горы Чечни и Ингушетии, где легче было пережить эти страшные годы.

Кампания раскулачивания, как это неизбежно бывает при любом кровавом деле, сопровождалась циничными злоупотреблениями. Так, в ст. Ясенской во второй половине 1920-х годов умерли голодной смертью казак Рыбник Иван Федорович и его жена. «Комсодовка» А.Ф. Цявка была назначена опекуном над оставшимися без попечения детьми. Воспользовавшись бесправным их положением, А.Ф. Цявкова продала дом, фактически выбросив детей на улицу, присвоив себе вырученные средства [27]. Как это не парадоксально, но «отомстили» советскому коррупционеру в 1942 г. немцы. После того, как румынский взвод и представители немецкого командования вошли в станицу, кто-то из станичников донес на «комсодовку» и она была арестована, а вскоре расстреляна вместе с другими активистами «расказачивания».

Несмотря на потери населения станиц Ейского отдела в результате подавления повстанческого движения, расстрелов заложников и семей повстанцев самые страшные испытания еще только предстояло пережить. Речь идет о голоде 1932-1933 гг., вызванного запредельными планами поставок зерна и иной сельхозпродукции в госзакрома. Историки вполне обосновано считают, что основной целью советской власти было не уничтожение села, а максимальный сбор зерна для продажи его за рубеж [28]. К 1932 г. США и европейские страны перестали принимать золото в уплату за приобретаемые советской Россией машины, станки, паровозы и иную технику. Принимались

только зерно и лес. Это была фактически технологическая блокада страны. Но подобные обстоятельства не оправдывают советскую верхушку, осуществлявшую намеченные цели индустриализации нечеловеческими методами – выгребалось все зерно, включая посевные фонды. В дальнейшем во всех станицах были организованы отряды объездчиков, которые получили возможность расправы с любым, кто зайдет на поле, а тем более если унесет с него хотя бы колосок. В это время станицы оцеплялись воинскими подразделениями, не выпускавшими людей за ее пределы. Через несколько месяцев такого оцепления значительная часть жителей либо погибала, либо была на грани смерти. Тогда направлялись отряды «комсодовцев», которые загружали трупы в автомашины и захоранивали их в полях. Уцелели только те станичники, которые, выполняя производственные планы сельхоззаготовок, почти безвыездно проживали на полях.

Станицу Старощербиновскую окружили отряды латышских стрелков и рота китайских добровольцев. Для медицинских консультаций местные власти часто приглашали старощербиновского врача И.С. Кукуш. По его данным, в станице умирало не менее 25-45 чел. в сутки, хотя официальная регистрация погибших от голода была частичной [29]. Есть основание утверждать, что в результате искусственного голода в станице, имевшей перед Гражданской войной население численностью 20 тыс. чел., погибло не менее 80% жителей [30].

В конце 1950-х годов на юго-западной окраине ст. Старощербиновской было развернуто строительство небольшого жилого квартала. При рытье котлованов под фундаменты строители наткнулись на три траншеи, заполненные человеческими останками. По секретному решению станичного исполкома кости были тайно перезахоронены на станичном кладбище. Некоторые жители являлись свидетелями этого захоронения во время голода 1933 г. Только в траншеях было захоронено не менее 500-800 чел., умерших голодной смертью.

Уже в конце 1920-х годов стала осуществляться программа выселения из станиц Кубани раскулаченных. В 1930 г. из Ейска в отдаленные районы было направлено несколько эшелонов раскулаченных. По рассказу Н.Д. Першиной, отец был признан кулаком, поскольку имел два дома, построенных им собственными руками для себя и своего сына. После обыска дома милицией и активистами им было приказано на следующий день прибыть на Привокзальную площадь [31]. Здесь были собраны репрессированные не только из города, но и станиц Камышеватской, Ясенской, с. Воронцовки. Поезд с теплушками отправился на восток Ставропольского края, останавливаясь только в степи. Переселенцы прибыли в с. Дивное, располагавшееся фактически на границе степи и полупустыни. В 1933 г. на Ставрополье также был голод и семья Першиных спаслась только благодаря тому, что в 1934 г. им было разрешено завербоваться в рабочие отряды, направлявшиеся в Осетию.

Из ст. Уманской в Казахстан было переселено 1200 семей [32]. С учетом депортаций, гибели местных повстанцев, расстрелов заложников и семей белых

казаков, голода 1933 г., вероятно, в станице осталось меньше людей, даже чем в Старощербиновской. В ноябре 1932 г. после визита в Ростов-на-Дону комиссии ВКП(б) под руководством Кагановича Л.М. и его письма И.В. Сталину, на место полпреда ОГПУ назначили Е.Г. Евдикомова. Перед ним ставилась задача ликвидации «контрреволюционных групп» в Северо-Кавказском крае. В декабре 1932 г. – январе 1933 г. после оцепления войсками ОГПУ станиц Полтавской, Медведовской, Урюпинской и Уманской, жители были поголовно выселены [33].

В целях увеличения сдачи зерна государству советская власть в 1933 г. стала проводить пропагандистскую кампанию. В газетах публиковались материалы, отражающие выполнение колхозами, МТС и районами планов хлебопоставок. Отстающих заносили на так называемую «Черную доску» [34]. В разное время на «Черную доску» попадали ейские хозяйства и даже станицы Старощербиновская, Уманская, Копанская. В станицах, не выполнивших план хлебозаготовок, красный флаг над сельсоветом снимался, а вместо него на флагшток водружали мешок, пропитанный смолой. Под напором ветра он издавал жутковатый треск, усугубляя и без того напряженную атмосферу в станице.

В отличие от станиц, в г. Ейске существовала карточная система, которая обеспечивала минимальные хлебные пайки работающим. Граждане, отнесенные к категории «социально чуждых элементов», карточек были лишены. Карточки хоть и позволяли как-то выживать, но голод ощущался и в городе. Умерших хоронили на огородах, а иногда и просто бросали на улицах, поскольку не хватало сил на захоронение. Среди старожилков существует утверждение, что в 1933 г. К.Е. Ворошилов посетил Ейск с целью проверки состояния материальной базы Ейской школы морских летчиков. Рядом с ее территорией он заметил захоронения на пустыре, из которых торчали руки и ноги. Маршал потребовал навести порядок и исключить возможность распространения эпидемии, которая могла нанести урон летной школе. Возможно и по этой причине 19 марта 1933 г. состоялось заседание ейского райисполкома [35]. В совершенно секретном протоколе заседания зафиксированы следующие позиции:

- прекратить все захоронения на существующем городском кладбище и организовать новое;
- брошенные трупы захоронить;
- предусмотреть борьбу с грызунами, способствующих разносу инфекции;
- составить список получателей хлеба, проверить их социальное происхождение и исключить из списка социально чуждые элементы и погибших;
- в связи с малочисленностью милиции осуществить дополнительный набор в ее ряды;
- в связи с приближением войны сократить расходы на курортное хозяйство и возможно шире использовать курортные объекты в военных целях.

Таким образом, за период с конца Гражданской войны по 1933 г. социально-политические условия в Ейском районе постоянно усложнялись, возникали новые факторы, приводящие к росту людских потерь во всех станицах района и в г. Ейске. К периоду репрессий 1935-1939 гг. население района оказалось не только разобщено по социальным и политическим мотивам, но и деморализовано, а его трудовой и интеллектуальный потенциал в некоторых случаях был низведен до минимального уровня. Этому способствовала и практика заселения жителями Белоруссии, Липецкой, Рязанской, Курской областей пустующих домов убитых и умерших. Переселенцы были незнакомы не только с бытом, привычным для кубанцев, но и приемами сельскохозяйственных работ, культурными и бытовыми обычаями.

Примечания

1. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани в 1793-1985 гг. Краснодар, Краснодарское книжное издательство. 1986. С. 64-66.
2. Там же. С. 78.
3. Там же. С. 89.
4. Климентьев Г.В. С любовью о Ейске. Изд-во «Краснодарские известия». 1998. С. 132-134.
5. Корнильев А. Контрреволюция терпит крах // Приазовские степи. №194. 1967.
6. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 514. Л. 14-15.
7. Красный террор в годы Гражданской войны. Дело № 116. <http://swolkov.org/doc/kt/index.htm>
8. ГАКК, Ф. Р.692, Оп.1. Д. 9. Л. 3.
9. Климентьев Г.В. Указ. соч. С. 144.
10. ГАКК. Ф. 649. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
11. Красный террор в годы Гражданской войны. Дело № 116. <http://swolkov.org/doc/kt/index.htm>
12. ГАГК. Ф. Р-649. Оп.1. Д. 1. Л.14.
13. ГАКК, Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 34 об.
14. Щетнев В.Е. Особенности завершающего этапа Гражданской войны на Кубани // Гражданская война на юге республики. Новочеркасск. 1989. С. 43.
15. Галкин Г.А. Климатические аномалии в Краснодарском крае. Краснодар. 1989. С. 62.
16. Архив муниципального образования Щербиновский район (АМОЩР). ф. 120, оп. 1, д. 14-15, 31.
17. АМОЩР ф. 120, оп. 1, д. 12, 24.
18. АМОЩР ф. 120, оп. 1, д. 11, 25, 45.
19. АМОЩР ф. 120, оп. 1, д. 12-г.
20. АМОЩР ф. 120, оп. 1, д. 12б, 39, 40, 48, 71.
21. Архив муниципального образования Ейский район (АМОЕР). Ф. 588. Оп. 1. Д. 64. Л. 384.
22. АМОЕР, Ф.600. Оп. 10. Д. 3
23. Архив муниципального образования Ленинградский район. Ф. 162. Оп. 1. Д. 8, 17. Л. 1-9.
24. ГАГК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 9. Л. 3-6.
25. Синянский И.И. Станица моя родная. Ст. Старощербиновская. 2012. С. 38.
26. Малахов И. Легенды и были. Записки ейского краеведа. Ейск. Изд-во «Приазовские степи». 2011. С. 35-36.
27. АМОЕР, Ф. 98. Оп. 1. Д. 45.

28. Черный В. Рукотворный город // Пульс недели. 16-22 мая 2012. С. 6.
29. Синянский И.И. Указ соч. С. 49-53.
30. Синянский И.И. А брочки везли и везли тот страшный урожай // Вольная Кубань. 31 октября 2012. С. 3.
31. Информатор Н.Д. Першина, 1921 г. рождения. Записано Ю.В. Артюхиным в г. Ейске в 2011 г.
32. Беловолов В.Н. Сборник статей и очерков по истории станицы Уманской. Ст. Ленинградская. 2002. С. 39.
33. Тумишис М., Папчинский А. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., Яуза – Экмо. 2009. 512 с.
34. Черная доска // Молот. 4 августа 1933.
35. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 11.